

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

ТРУДЫ ОТДЕЛА
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВА
ВОСТОКА

IV

M U S É E D E L ' E R M I T A G E

TRAVAUX
DU
DÉPARTEMENT ORIENTAL

TOME IV

LENINGRAD · 1947

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

ТРУДЫ
ОТДЕЛА ВОСТОКА

ТОМ IV

ЛЕНИНГРАД 1947

БОЖЕСТВА СВЕТИЛ В ЖИВОПИСИ ХАРА-ХОТО

Синкретизм астрологического пантеона в иконографии

Среди памятников живописи Хара-Хото, найденных Козловым в „Знаменитом Субургане“, большое место занимает живопись китайского стиля. По содержанию эти памятники живописи относятся к буддийскому культу, и лишь небольшая ее часть имеет светский характер — один пейзаж, портрет чиновника, рисунки — лань, козел и др.

Преобладание среди культовых памятников из Хара-Хото именно буддийских объясняется тем успехом, который имела пропаганда буддийского учения в Китае, где задолго до этого существовали народные верования, оформившиеся в III—II вв. до х. э. в даосскую религию.

Другая китайская религия — конфуцианская, закреплявшая основы государственности феодально-бюрократического строя Китая и служившая идеологической базой для упрочения влияния императора и чиновников, была официальной религией, обряды которой выполнялись чиновниками, оставляя на долю народа только культ предков. Своей суровостью и отсутствием пышной общенародной обрядности она не увлекала воображение людей и понятно, что другая религия — даосизм находила себе большее количество приверженцев в массе народа, опутанного всякими суевериями и видевшего на каждом шагу чертей, духов, оборотней.

Эта религия, впитавшая в себя народные легенды, сказки и суеверия, имела много общего с буддизмом, с его массой легенд индийского происхождения.

Обе эти религии действовали на воображение людей, погрязавших в невежестве и темноте, и обещали им лучшую жизнь после смерти, стараясь тем самым примирить их с теми страданиями и лишениями, которые претерпевали люди в земной жизни, а также внедряли веру в способность божеств защитить и улучшить жизнь людей на земле при условии веры в них и жертвоприношений в монастыри и храмы.

Поэтому совершенно неудивительно смешение обеих религий, выразившееся и в заимствовании религиозных представлений, отображенных в каноне той и другой религии, и в изображении даосских божеств наряду с буддийскими.

Среди представителей власти — императоров, было немало таких, которые, подпадая под влияние буддийских монахов, всячески поощряли буддийскую религию, способствовали росту количества монастырей и монахов (например имп. У-ди, дин. Лян, императоры Гао-цзю, Сянь-цзун, Му-цзун дин. Тан и др., особенно монголы). Были, правда, и такие, которые под влиянием конфуцианских чиновников, организовывали гонение на буддизм, например знаменитое гонение 845 г., сопровождавшееся уничтожением буддийских памятников и реликвий, сожжением буддийских книг, разрушением монастырей, число которых в Китае до этого доходило до 40 тысяч, изгнанием монахов. Но и подобные грандиозные гонения не подрывали буддизма, пустившего глубокие корни в массу народа.¹

Влияние буддизма в Китае было настолько велико, что в даосском каноническом сборнике Дао-цзэне, появившемся значительно позже буддийского, в котором собраны сочинения, главным образом, Сунского периода (X—XIII вв.), хотя он и опубликован в начале Минской династии, встречается много общего с буддизмом, что имеет большое значение для определения буддийских китайских памятников из Хара-Хото, относящихся ко II половине Сунского периода (X—XIII вв.). Так, например, в даосском сочинении об 11 планетах,² выдержки

¹ W i e g e r, Histoire des croyances religieuses et des opinions philosophiques en Chine, стр. 568—569.

² 元始天尊說十一曜大消災神呪經 — Дао-цзэнь, III, 29, стр. 1.

из которых в дальнейшем будут способствовать расшифровке хара-хотинских икон, упоминается термин, характерный для буддизма — ниданы;¹ в нем также говорится о вознаграждении за добродетельную жизнь или о наказании за греховную после смерти, т. е. о карме, понимаемой в буддийском аспекте.² Подобные примеры далеко не единичны.³

Наконец, из истории известны случаи официального закрепления даосско-буддийской религии в XII в. Например в 1115 г. один из императоров дин. Сун, став игрушкой в руках даосского архимага, принял канонические даосские книги в императорскую библиотеку и также издал указ о введении всех будд и бодисатв в даосский пантеон и о переводе буддийских монахов и монахинь в даосские монастыри или насильственным возвращении их в мир.⁴ Но это торжество даосов было недолгим, и при дворе опять стали господствовать буддисты. Однако даосизм оставался по-прежнему популярным среди масс народа, со своим пантеоном, имевшим во главе Юй-Хуана.

В трактате сунского периода, предназначенном для молений Юй-Хуану, очень много общего с сутрами, посвященными будде Амиде;⁵ повидимому, как это считает Вигер, он был попросту скопирован с этих сутр.

Поэтому неудивительно, что в изображениях на китайских и смешанного стиля буддийских иконах из Хара-Хото могут быть черты, характерные для божеств и буддийского и даосского пантеона. Среди этих икон четко выделяется группа божеств планет и созвездий, в которую входит двадцать икон, из них 18, писанных красками на полотне и шелку, и две

¹ Ниданы — в кит. переводе 因緣 (Палладий II, стр. 604) — главные причины, являющиеся истоком перерождения в 'второстепенные, содействующие ему.

² Дао-цзан, III, стр. 1—2.

³ Wiegner, *Histoire des croyances religieuses*, lg. 569. В этой книге на отрывках из даосских сочинений Сунского периода Вигер показывает совершенно очевидное подражание буддийскому культу Амиды, из молитвословий которого много терминов вошло в даосский канон.

⁴ Wiegner, *Histoire des croyances religieuses*, стр. 609.

⁵ Там же, стр. 609.

гравюры. Все это — иконы божеств астрологического культа, почитавшихся среди китайцев и тангутов.

Астрология и ее культы входила во все три религии Китая. На существование астрологического культа в китайском буддизме указывают сутры Трипитаки, переведенные на китайский язык; некоторые из них посвящены солнцу, луне, особенно последней (10 сутр); есть также сутры о семи и девяти планетах. Кроме буддийских сутр, подобные же моления и заклинания планет имеются в каноне другой религии — даосском Дао-цзане. В одном из сочинений этого канона с молитвой к 11 планетам в словах верховного божества даосского пантеона упоминается об установлении астрологического культа. Якобы верховный владыка созвал всех святых со всех земель и небес и после разъяснения им о влиянии планет на жизнь людей „приказал лепить из глины и рисовать вид и формы 11 планет и на чистых местах построить монастыри,¹ приготовить ароматы, цветы, фонари и свечи, пригласить астрологов даосов и самим читать молитвословия одиннадцати планетам для избавления от бедствий“.² Установление этого культа для большей пышности и авторитета вложено в уста высшего даосского божества.

Наконец, астрологический культ в третьей религии Китая — конфуцианской — вырос из древнейшего поклонения светилам. Наиболее полные сведения о древней астрологии сохранились в работе Сыма Цяня (III в. до х. э.) „Ши-цзи“.³ В этом источнике есть упоминания, дошедшие до автора Ши-цзи по преданию, о существовании в древности официально утвержденного культа планет, звезд и созвездий, причем функции жреца во время жертвоприношений солнцу выполнялись самим императором. Солнцу, луне, пяти планетам приносились в жертву быки. Специальные чиновники следили за движе-

¹ Любопытно, что даосские монастыри имеют общее название с буддийскими 道場 — Дао-чан.

² Сочинение об 11 планетах, Дао-цзан. III, 29, стр. 1.

³ Глава 天官書 — Тянь гуань шу. Некоторые сведения имеются в Чжоу-ли, Ли-цзи, на которых отчасти ссылается Schlegel в своей работе „Uranographie chinoise“; однако главным источником для него послужила вышеупомянутая глава из Ши-цзи.

нием и видом солнца, луны и пяти планет, за появлением метеоров и докладывали о добром или плохом знамении на основании этих явлений императору.¹ При этом все эти знамения, шедшие от планет, созвездий, метеоров, представлялись как бы выражением воли высшего божества неба, что очень близко к представлению о высшем даосском божестве в вышеупомянутом даосском сочинении, в уста которого вложено основание культа планет.

Все вышеизложенное доказывает существование астрологического культа в Китае еще в глубокой древности, определяет местные китайские истоки этого культа.

Однако астрологический культ в памятниках Хара-Хото является культом иноземным, буддийским, пришедшим со стороны, из Индии. При этом иноземные образы, созданные в Индии под непосредственным воздействием эллинистической культуры, а также Ирана, тесно переплелись с местными индийскими и китайскими и образовали своеобразный синкретический пантеон божеств астрологического культа.

Подобное заимствование образов божеств светил может быть объяснено тем, что в этом культе имелась общая естественно-историческая основа, т. е. некоторые правильные астрономические наблюдения, примерно равный уровень астрономических знаний в разных странах и выросшие на этой почве фантастические образы божеств светил, отражавшие также примерно одинаковый социально-экономический уклад жизни феодального общества, даже если в отдельных случаях, например в государственном устройстве, этот уклад был весьма различен.

Один из наиболее любопытных и лучше сохранившихся памятников астрологического культа — икона (х-2424 табл. I), на которой представлена многочисленная группа божеств. В центре ее изображен будда с чакра² в руках, сложенных у лона, которому предстоят одиннадцать божеств. Наверху на облаках, справа и слева, 28 божеств небольшого размера

¹ W i e g e r. Histoire des croyances religieuses et des opinions philosophiques en Chine, стр. 98.

² Чакра (санскр.) — священное колесо закона, символ основного положения буддизма — перерождения.

и кругом их наверху и внизу 12 кружков с разными изображениями.

По обе стороны от нижней центральной фигуры старика стоят два божества в женском и мужском облике: это божества главных светил — солнца и луны.

Обоим светилам в Китае с древних времен приносились жертвы, причем за три дня до жертвоприношения солнцу нигде в стране не разрешалось зажигать огонь и только во время церемонии главный жрец зажигал кусочек дерева или мха от лучей, падавших на металлическое зеркало или дощечку из горного хрусталя.¹

В классических китайских сочинениях встречаются различные названия солнца, показывающие многообразие представлений, связанных с этим светилом у китайцев в древности.² Так, солнце носило название управителя явлений природы, проявления света, князя, отца, супруга, старшего брата. Одно из его названий — солнечная птица. С такой птицей — трехногим вороном — Солнце изображается на предметах искусства и культа. Другое представление о нем, как о князе, отце, породило его образ императора, князя, чиновника высшего ранга. В таком виде он изображен на разбираемой нами иконе (табл. I) с табличкой в руках справа от старика. На некоторых иконах астрологического культа, где размещение божеств вокруг будды почти точно копирует композицию первой иконы (табл. I), в головном уборе Солнца заметно изображение его эмблемы — ворона (х-2428). Из-за плохой сохранности части этого символа уже не видно, но он должен был быть у солнца на третьей иконе (х-2425), где в диске Луны ясно различима ее эмблема — заяц. На других иконах солнце изображено императором или чиновником высшего ранга с диском или табличкой в руках справа или слева от нижней средней фигуры божества (х-2431), иногда с эмблемой — вороном в диске на головном уборе (х-2426).

¹ См. выдержки из Чунь-цзю, Чжоу-ли, Ли-цзи и др. в книге Schlegel „Uranographie chinoise“. стр. 599—601.

² Там же.

На некоторых памятниках, уже не из Хара-Хото, а из Дунь-хуана, солнце и луна сопровождают колесницу будды, держа диски с эмблемами в руках.¹

И если в Китае солнце считалось князем, отцом, воплощением мужской силы Ян, почему и могло быть изображено именно в образе мужчины, то Луна была воплощением женской энергии Инь, подчиненной, служа символом для императриц, вассальных князей, министров, почему во многих случаях представлялась или женщиной или чиновником.

Символику, связанную с луной, китайцы осмыслили следующим образом: — с сумерками и появлением луны наступала прохлада, в низких местах — туманы. Поэтому луна в Китае связывалась с сыростью, влажностью, и эмблемой ее считалась жаба, живущая в болоте. Другим еще более распространенным символом, возникшим из наблюдения пятен на луне и также из наблюдений за скачками зайцев у нор во время полнолуния,² стал заяц, которому по легенде была еще приписана способность готовить напиток бессмертия, в чем совершенно очевиден даосский элемент, так как именно даосы были заняты магией, волшебством и, в частности, изготовлением этого напитка. На хара-хотинских иконах луна также зачастую изображается с этим символом (*табл. II, х-2425, х-2428*). Как символ императриц, луна часто представлена в женском императорском убранстве (*табл. I, х-2431, х-2430*), а как эмблема министров изображалась в виде чиновника (*х-2426, х-2425*). Ее эмблема (заяц) встречалась в вышивке парадного платья князей Китая.³ Как считают некоторые исследователи, эта же эмблема луны проникла из Индии, где пятна на луне называются также зайцем или кроликом.⁴

Из вышеизложенного следует, что образы солнца и луны на буддийской иконе получили китайское осмысление со всеми чертами образов этих светил, выросших на китайской почве.

¹ Stein. *SerIndia*, II, стр. 934. и в неизданных материалах Ольденбурга, который относит их к более поздним памятникам, подразумевая Сунский и Юаньский периоды.

² Schlegel, *Uranographie chinoise*, стр. 607.

³ Mailla, *Histoire générale de la Chine*, I, стр. 114.

⁴ Münsterberg, *chines. Kunstgeschichte*, стр. 88.

Третье божество между солнцем и луной (табл. I) — старец в просторной одежде, ниспадающей пышными складками, держит в руках подсвечник и подносик. Лево́й рукой он прижимает к себе посох, к которому подвешена табличка со знаком. В головном его уборе голова быка. Это — планета Сатурн. В даосском сочинении в описании Сатурна есть подтверждение его образа: „На поясе носит меч и, опираясь на пастушеский посох, держит печать“.¹ Правда, меча ни здесь, ни на других иконах не видно, зато на данной иконе (табл. I) изображены у божества и посох и печать, здесь подвешенная к посоху. На других иконах (табл. III) посох заменен буддийским монашеским жезлом — каккара.²

В другом сочинении из буддийского канона — Трипитаки, есть также описание этого божества. „Для отогнания несчастья следует рисовать духа (планеты Сатурна) в образе брахмана, едущего верхом на черной степной корове“. Или „Его дух подобен брахману черного цвета. На (его) голове коровья шапка. Одной рукой опирается на посох, другой указывает вперед; небольшой, со сгорбленной спиной“.³

И также: „Его вид, как у брахмана. На голове коровья шапка; в руках держит пастырский жезл“.⁴ Последнее описание образа планеты Сатурна в буддийском каноне относится к приведенной тут же иллюстрации, на которой изображен старец с некитайской прической узлом и бородой, едущий на быке, держа в левой руке обычный буддийский жезл-каккара. Но поскольку этот образ, явно индийский, приведен в каноне, переведенном на китайский язык с санскрита, и, может быть, рисован китайским художником, то попутно нельзя не отметить бросающуюся в глаза подробность: быка, на котором сидит старик, ведут китайские мальчики. Однако, если рассмотрим другой памятник, по времени предшествующий хара-хотинским, а именно икону планет из замурованной

¹ Сочинение об 11 планетах, Дао-цзан, IX, 83, стр. 5.

² О л ь д е н б у р г, Хара-Хото. см. в приложении под словом khakhara — монашеский жезл с кольцами.

³ 七曜攘災決 — Трипитака (изд. Токьо), стр. 43 и 59, XXVI. 4.

⁴ 梵天火羅丸曜 — Трипитака, XXVI, 4, стр. 73.

кельи из Дунь-Хуана, датируемую 897 г.,¹ то оказывается, что тип брахмана в образе планеты Сатурна здесь подчеркнут значительно больше, чем в самой Трипитаке. Здесь Сатурн изображен изможденным нищим, с худым телом темного цвета, который Стейном был понят просто как возница, ведущий быка, запряженного в колесницу будды. Однако сведения из Трипитака, а также эмблема на его темени — голова быка — подтверждают правильность нашего понимания этого образа, как образа планеты Сатурна, тем более, что, как будет отмечено в дальнейшем, образы остальных 4 планет также нами точно отождествлены. Следовательно, на индийской почве образ Сатурна имеет резко выраженные черты аскета брахмана, с быком на голове. Он непременно старик, так как брахман — отшельник имел право уходить в уединение лишь на склоне лет после того, как прожил в миру жизнь мирского, семейного человека.

На хара-хотинских иконах образ Сатурна очень близок к индийскому, но имеет и свои китайские черты, а именно: 1) деревянный посох, как у китайских архатов, тогда как у индийского Сатурна посох заменяется жезлом-каккара, 2) даосскую печать, служившую для магии и волшебства даосам, 3) китайскую одежду с широкими рукавами, закрывающую все тело, да притом еще желтого цвета, как и его кожа.

Последнее — желтый цвет, приписываемый Сатурну, типичен для Китая, где Сатурн именуется планетой земли;² желтый цвет — цвет земли в Китае вследствие преобладания лёссовой почвы, впоследствии ставший цветом императора. Действительно, как видно из даосских сочинений,³ Сатурн является также и планетой императора.

Со всеми этими чертами он изображен на китайских и смешанного стиля иконах из Хара-Хото (х-2425, х-2428,

¹ Stein, The Thousand Buddhas. pl. XXXVIII, стр. 53.

² Сочинение об 11 планетах, Дао-цзан III, 29, стр. 3. — 土星 — Ту-сви.

³ Дао-цзан сочин. об 11 планетах. IX, 83, стр. 5. — 天子之星 — Тянь-цзы чжисин.

х-2430, х-2431), где иногда на китайской иконе он может быть и с индийскими чертами (табл. III).

В основе этого образа лежат и некоторые правильные астрономические сведения о планете Сатурне, почерпнутые из наблюдений ее простым невооруженным глазом. Китайцы издавна учли его видимый наиболее длительный оборот вокруг земли, которая считалась центром вселенной, равный приблизительно 29,5 годам, так как, действительно, из известных тогда пяти основных планет Сатурн медленнее всего передвигается по небу. Поскольку она считалась планетой земли, находившейся по тогдашним представлениям в центре,¹ то она считалась планетой центра, причем ее полный оборот — около 30 лет — был как бы месяцем по отношению к году, если уподоблять год одному дню. Этот длительный оборот вокруг земли, повидимому, и породил образ медленно идущего старика с тяжелой поступью и другие его китайские названия — 鎮星 Чжень-син — тяжелый² и 填星 Дянь-син, в словаре Кан-си осмысляемый, как 久 цю — долгий, длительный; самое же отношение времени его оборота по отношению к годам земли заставляло его считать планетой годов. И действительно, многим народам Сатурн представлялся в образе старца и обычно связывался с землей, считался покровителем земледелия; так, у вавилонян, греков, персов ему соответствовал черный цвет, повидимому, цвет плодородной земли,³ причем первоначально этот образ старика появился в Вавилоне, затем был заимствован греками. Из всего вышеизложенного следует, что на хара-хотинских иконах Сатурн изображен в смешанном индийско-китайском образе, не имеющем никаких индивидуальных атрибутов западного и даже переднеазиатского происхождения, хотя общие его признаки (старик, божество земледелия) встречаются в Вавилоне раньше всего, потом у греков, и таким образом основное содержание этого образа является заимствованным.

Вторая планета из группы пяти планет — Венера в образе женщины с лютней находится слева за божеством луны.

¹ Schlegel, Uranographie chinoise, I, стр. 631.

² Schlegel, Uranographie chinoise, I v., стр. 630.

³ Jeremias, Handbuch der Altorientalischen Geistes Kultur, стр. 177—179.

Буддийская икона. Божества 11-ти светил, живопись на шелку.
 Колл. Хара-хото, эксп. Ковдова 1907—09.

Буддийская икона. Божество 'планеты Венеры.
Живопись на бумаге. Колл. Хара-хото, эксп. Козлова,
1907—09.

Буддийская икона. Божество планеты Сатурна.
Живопись на бумаге. Колл. Харо-хото, эксп.
Ковлова, 1907—09.

Буддийская икона. Божество планеты Юпитера. Живопись на бумаге. Колл. Хора-хото, эксп. Козлова, 1907—09 г.

Буддийская икона. Божество планеты Марса. Живопись на холсте, колл.
Хара-хото, эксп. Козлова, 1907—09.

Буддийская икона. Божество мнимой планеты Юэ-бо. Колл.
Харо-хото, живопись на бумаге, эксп. Козлова, 1907—09.

Фрагмент буддийской иконы. Будда Тогжагпуабха из серии икон божества света. Живопись на бумаге. Колл. Хара-хото, эксп. Козлова, 1907—09.

Буддийская икона Божество планеты Марса. Живопись на бумаге.
Колл. Харо-хото, эксп. Козлова, 1907—09 г.

В сутрах подчеркиваются все ее атрибуты: „Для отогнания несчастий следует рисовать духа (планеты Венеры) в виде небесной девы, держащей в руках печать и едущей на белой курице, (изображение которой) должно быть носимо на шее“.¹ Или „Вид ее женский. На голове надет убор. В платье из шелка, играет на струнном инструменте“.² Также: „Ее образ женский; одета в желтую одежду. На голове надет убор с курицей. Играет на лютне (пипа)“.³ В изображении Венеры на хара-хотинских иконах все эти признаки, кроме печати, налицо — она женщина, в прическе ее изображение курицы, в руках 4-струнный инструмент, детально отмеченный в последней цитате, как пипа, т. е. как лютня: для игры на последней нужен плектр, который также изображен на иконе х-2424 (табл. I). Ее образ в менее отчетливой форме отражен и в даосском каноне: „(Венера) часто играет на 4-струнном музыкальном инструменте, мельком смотрит на пернатых с пятью качествами (куры)“.⁴ Здесь названия инструмента нет, однако везде она изображается с лютней (х-2430, х-2427, х-2428, х-2431, х-2481). Курица отчетливо видна на иконе х-2424 (табл. I), а также на иконе х-2431. В таком же виде она изображена на иконе планет из Дунь-Хуана, где на темени ее имеется изображение пестрой курицы, в руках та же 4-струнная лютня, и тело и пышные одежды переданы белым цветом. Последнее еще больше подчеркивает ее китайское название 太白 = Великая Белая, что особенно ярко выражено в даосском заклинании к ней:

„Венера уносится к чистой хань,
 Как вскочивший иней сверкающая. белая. прекрасная,
 Прямо, ровно плывет благовеща. блестящая,
 Белоснежная, цветущая Вечерняя звезда Венера;
 Когда копьё высоко, может защитить от разбойников,
 Когда вид блестящий всегда покоряет армии“⁵ и т. д.

¹ Трипитака (изд. Токио), XXVI, 4, стр. 43.

² Там же, стр. 73.

³ Там же, стр. 59.

⁴ 五德之禽 — куры, обладающие пятью качествами (см. Цы-юань).

⁵ Stein, *The Thousand Buddhas*, pl, XXXVIII, стр. 53.

⁶ Дао-цзан, IX, 83. и III, 29; 2 сочинения об 11 планетах.

В китайском платье, с китайским головным убором и с лютней в руках она изображена и на фреске из Дунь-Хуана.¹ Обычный ее атрибут — лютня — не китайского происхождения.

Лютня, характерная своим отогнутым грифом, плавно переходящим в широкий корпус,² хотя и распространена до сего времени в Китае, однако занесена от арабов, в свою очередь, повидимому, заимствовавших инструмент этого типа у древних народов передней Азии. Эта же лютня в руках у Венеры в описании ее храма у сабиев в Сирии,³ также на многих предметах искусства Ирана.

Курица ни в Иране, ни в Сирии, ни в средневековых изображениях, судя по статье Saxl, не встречается в качестве атрибута планеты Венеры. Зато в буддийском круге Сансара она символизирует сладострастие,⁴ считающейся одной из трех причин, побуждающих людей совершать зло. Этот факт тем более доказывает, что на индийско-буддийской почве не мог возникнуть образ божества с атрибутом — курицей, символизирующей особенно сильно подчеркнутое в буддизме отрицательное качество — сладострастие. Этот атрибут мог появиться у Венеры где-то в переднеазиатских странах и вместе с лютней дополнил ее женственный образ, очевидно, занесенный в передне-азиатские страны греками, у которых планета Венера представлялась вечерней звездой Афродитой, божеством любви, и утренней — Афиной, божеством войны. Эти два образа греками были заимствованы, в свою очередь, из Вавилона, где Венера представлялась также в раздвоенном виде — богиней любви и богиней войны.⁵

Два эти образа возникли из явлений, связанных с этой планетой: Венера, звезда наибольшей яркости, является ниж-

¹ Stein, Serindia, стр. 933. fig. 215.

² Музыкальные инструменты в иконографии Хара-Хото, Зубер — III, Сборник трудов отдела Востока. Эрмитаж.

³ Saxl, Beiträge zu einer Geschichte der Planetendarstellungen im Orient und im Okzident, стр. 162.

⁴ Кириллов. Дацаны. Зап. Приморского Отд. Геогр. Общ. I. вып. в Хабаров., 1896. стр. 78; также курица входит в 12-значный жизотный цикл, распространенный у народов Ближнего и Дальнего Востока (см. Schlegel, I. стр. 566).

⁵ Saxl. стр. 170.

ней планетой, т. е. никогда не удаляется на большое расстояние от солнца, может быть наблюдаема лишь утром или вечером. Поэтому еще в древности мифологически она представлялась, как утреннее и вечернее божества, в двух образах, хотя еще в Вавилоне она была известна как одна планета.¹

Такой двойной ее образ остался лишь у звездопоклонников-сабиев в Сирии в IX—X вв.²

Однако у народов Передней Азии она встречается как божество любви — вечерней Венеры, что особенно подчеркивается ее атрибутом — лютней, распространенным во всей Передней Азии музыкальным инструментом, служившим для аккомпанимента лирических песен.

В Китае XII—XIII вв. этот образ тоже считается заимствованным, как на это указывают даосские сочинения, в которых она фигурирует, как „Великая Белая Западной стороны, планета металла“, как „Нахе“, очевидная иранская Нахит, „Владыка Западных варваров“.³ Это же имя (Назе) упоминается наряду с санскритскими ее именами и в сутрах.⁴ Кроме того, любопытно, что к ней относится у греков, в древнем Иране у Низами,⁵ белый цвет, что также подчеркивается в вышеизложенном даосском заклинании к ней и изображением ее на иконе из Дунь-Хуана. Этот элемент связывает представление о ней, утвердившееся в Китае, с образами у народов Передней Азии и у греков.

Следовательно, содержание ее синтетического образа восходит еще к глубокой древности, к Вавилону, тогда как внешний вид — женщины в китайском платье, с румянцем на щеках (табл. I), с китайским типом лица соединен с чужеземным атрибутом (курица) и передне-восточным инструментом (лютня).

Следующее божество рядом с Венерой (табл. I) — Юпитер в пышной китайской одежде, в головном уборе, похожем на головной убор божества солнца, с типично-китайской бородой,

¹ СахI. стр. 162.

² Там же.

³ Дао-цзан. XVIII. 614.

⁴ Трипитака, XXVI. стр. 73.

⁵ Jeremias, стр. 177.

усами и баками. В головном уборе изображение головы свиньи и в поднятой до уровня плеч левой руке атрибут — плод с листьями. Изображение его на хара-хотинских иконах совпадает с описанием в сутрах. „Стихия его — дерево. Его дух подобен министру, одетому в синюю одежду и шапку с головой свиньи, держащему спелый плод“.¹ Последнее описание иллюстрируется его графическим изображением — Юпитер представлен в пышной одежде, со свиной головой на темени; в поднятой почти до уровня плеч руке ветка с плодами.

Совершенно таким же, но в китайской одежде и с китайским головным убором он изображен и на хара-хотинских иконах (табл. I, х-2430, х-2431). В одежде чиновника он представлен и на иконе планет из Дунь-хуана, где Юпитер вместо плодов держит блюдо с цветами, что опять-таки символизирует растительный мир, так как его стихия — дерево. В головном же его уборе не голова белого медведя, как это считает Стейн,² а белого кабана или свиньи, упоминаемая в сутрах. Этих атрибутов его (свиньи и плода) нет в образе его в передне-восточных странах, у греков и у вавилонян. Однако свинья, как и курица изображалась в буддийском круге Сансара символизирующая невежество, как одну из трех главных причин зла в мире. Вряд ли атрибут с таким отрицательным свойством мог быть в головном уборе божества, даже если предположить, что судья — Юпитер боролся с невежеством, порождающим преступление и злодеяние. Зато свинья встречается среди животных 12-значного цикла и вскользь упомянута и в даосских сочинениях в связи с Юпитером, а именно: „В качестве жертвенного животного собирают для него свиней“.³

Однако откуда представление о нем, как о чиновнике, министре?

Юпитер изображен отдельно чиновником на одной иконе из Хара-Хото (табл. IV), где он отождествим благодаря тангутскому знаку в кружке наверху, означающему его стихию — дерево.

¹ Трипитака. XXVI, стр. 75.

² Stein, *The Thousand Buddhes*, pl. XXXVIII, стр. 53.

³ Дао-цзян, IX. 83, стр. 4 (сочин. об 11 планет.).

Его облик чиновника совпадает с упоминанием о нем, как о министре, в сутрах и с образом его в даосских сочинениях, где „он рассматривает судебные дела, дает амнистии, наказывает, охраняет от чертей государство с помощью колодки и плахи“.¹ Здесь особенно любопытно видеть, как, по словам Энгельса, „фантастические образы, в которых первоначально отражались только таинственные силы природы, приобретают также и общественные атрибуты и становятся представителями „исторических сил“ (Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 261). Поскольку представление о нем, как о чиновнике-судье, встречается в китайском, даосском и буддийском индийском каноне, то, следовательно, оно прочно укрепились в Индии и Китае.

Однако и греческий Юпитер, и вавилонский Мардук записывает в книгу преступления людей, издает указы судьбы; он же судья, решающий судьбу людей, — представление, которое удержалось и в Иране (космография Казвини XIV в.) и в европейском средневековье.²

В даосских сочинениях особенно подчеркивается его способность наводить порядок и поддерживать мир. „Когда народ и высшие высоконравственные справедливы и верны в обычном своем поведении, то тогда ветер и дождь благовременны.“ Злаки поспевают, благородные долголетни и счастливы, люди (народ) богаты и добродетельны. В Китае мир и радость. Варвары с 4 сторон приходят во дворец императора. Когда правление господ лютое, жестокое и утеряны правда человечности мира, то тогда он становится лучистым и сердитым“.³ И также знамения: „Если красно-желтый, то быть сильному ветру и жаре. Если бело-черный, то к наводнению и войне“.⁴ Из другого сочинения: „Все взирают на планету года; она устанавливает порядок четырех времен и творит весну“.⁵ Осмысление образа этой планеты, как показывают китайские даосские источники также близко к его представлению в древнем Вавилоне, где он судья, наводящий порядок в стране и поддерживающий

¹ Дао-цзан, LXII — 614 — гимн пяти планетам, авт. Чжан Пин-цзы.

² S a x l, стр. 154, 167, 152.

³ Дао-цзан, LXII, 614.

⁴ Там же.

⁵ Дао-цзан, IX, 83.

в ней мир. Знамена же, имеющие много общего со знаменами, приписываемыми греческому Юпитеру, имеют в основе некоторые правильные наблюдения за явлениями у этой планеты, а именно: планета Юпитер отличается от других планет своими полосами, из которых главные находятся по обе стороны от экватора планеты, а также красными пятнами, то появляющимися, то исчезающими.¹ И хотя невооруженным глазом их не видно, однако благодаря перемене цветов у главных полос, из которых одна становилась красной, а другая голубой и наоборот, и также благодаря исчезновению и появлению пятен, свет Юпитера мог до некоторой степени изменяться, и эти изменения в цвете, конечно, непонятные древним астрономам, могли считаться за знамена и связываться с разными событиями, может быть, имевшими место в жизни и раньше.

Другие сведения из даосских сочинений о Юпитере, называемого планетой года, также связаны с ее, действительно, медленным видимым оборотом, равным 11 годам 318 дням, т. е. приблизительно 12 годам, который относился так к году земли, как год к месяцу.

При анализе образа этой планеты снова выясняются истоки его синтетического содержания, происходящего из Вавилона и удержавшегося у греков (Юпитер — чиновник, судья), слившегося с китайским его видом (одежда, головной убор, тип лица, борода, усы) и атрибутами как индусскими (свинья), так и индусско-китайскими (плод или цветы — как символ весны, его стихия — дерева, понимаемого, как растительный мир вообще).

Четвертая планета из группы пяти планет — Марс. На китайской иконе (*табл. I*) и ей подобной (х-2431) он изображен красным, свирепого вида могучим четвероруким человеком; одной рукой он держит трезубец с висящей на нем отрубленной человеческой головой, второй стрелу за конец древка и придерживает третьей рукой, незаслоненной фигурой Венеры, меч сбоку. На темени его головка осла. На бедрах одежда, вокруг торса узкие шарфы. На других иконах Марс изображен двуруким с человеческой головой на темени (х-2425),

¹ Иванов, Введение в астрономию, стр. 80—81.

или же со щитом, на котором изображено человеческое, искаженное гримасой ужаса, лицо и с головкой осла на темени (х-2428), или наконец, с человеческой головой на темени, трезубцем в левой и отрубленной человеческой головой на ладони правой руки (х-2426). На маленькой иконке (*табл. VIII*) изображен красный четырехрукий Марс с конской головкой на темени; двумя пальцами левой руки держит за конец древка стрелу, натянув тетиву, второй левой — даосскую печать, заменившую собой щит. Одной из правых рук придерживает древко, повидимому, трезубца, на иконе не сохранившегося.

Таким же четвероруким, с оружием в руках силачом он изображен и в сутрах: „Образ его духа подобен (божеству ложной религии) с шапкой с головой осла на темени, с оружием и мечом в четырех руках“.¹ В другой сутре указывается: „Следует рисовать Марса в его собственной фигуре (теле), чувствуя это божество; надо изобразить образ его красным, с медными зубами, с сердитым видом, в шапке с изображением осла, одетым в набедренник (юбку) из шкуры барса, с четырьмя руками, держащими в одной — лук, в другой — стрелу, в третьей — меч“.² Таким он изображен на трех иконах китайского стиля из Хара-Хото (*табл. I, х-2431, х-2482*); впрочем на иконе х-2482 даосская печать заменяет собой щит. То же изображение Марса дано и на иконе из замурованной кельи и фреске из Дунь-Хуана, причем на последней в двух руках держит трезубец, в левой лук и стрелу, в правой — на ладони отрубленную голову. Последняя — неперменный атрибут Марса не только на китайских иконах, но и на иконах смешанного стиля (х-2425, х-2426, х-2428), где она изображена либо на темени божества, на его щите или просто на ладони поднятой руки. По всем данным, этот атрибут его — западного происхождения. Действительно, в изображениях из Вавилона, в храме сабиев в Сирии,³ Марс представлен везде в образе воина с отрубленной головой в руке и мечом. К этим двум атрибутам на

¹ Трипитака, XXVI, стр. 74.

² Там же, стр. 59.

³ Sa x l, стр. 155—156, abb. 3.

индийской почве прибавился и третий его отличительный признак — его многорукость, идущая из индуизма, религии, характерной своими многорукими божествами, поскольку и в сутрах он считается божеством ложной религии, так как из пяти планет он один изображен в иллюстрации четырехруким. Конская голова¹ на темени, иногда замененная, как в сутрах, ослиной, дополняет его облик воина и не раз упоминается в даосском каноне, где он представляется едущим на коне. Там же подчеркивается его военное звание, причем он не только военный министр, но и глава других министров, который бдителен к закону: „Он входит в небесный двор и принимает правление, участвует с Шень-нуном в правлении. Он проверяет шесть министров, заведует строительной палатой и совмещает ранг военного министра. Он помогает в бесчисленных делах, внутри руководит правлением и во вне управляет армией. Он держит копьё и мечи с луком и стрелами, на коне перескакивает и как молния уходит, хоругвь распускается по ветру и он улетает“.² Здесь его функции воина расширены и приспособлены к китайским понятиям и характерному для Китая феодально-бюрократическому строю. Если на западе он бог войны, то здесь военный министр, выше всех министров, заменяющий самого Шень-нуна, идеального мифического государя, созданного фантазией конфуцианцев.

Внешний же облик его образа в иконографии Хара-Хотосовсем не китайский, хотя он изображен с атрибутами, упоминаемыми и в даосском каноне. Его одежда (набедренник), шарфы, украшения подчеркивают его индийские черты, содержание же этого образа, пришедшее с греками в Индию и уходящее далеко в древность в Вавилон, подтверждается его меняющимся цветом. Если в сутрах он красный, то на харотинских иконах в большинстве случаев тоже красный, но иногда и синий (х-2428) или зеленый (табл. V). Но как видно из вавилонских текстов, приведенных у Еремиаса,³ Марс изо-

¹ Конь также входит в 12-значный животный цикл (Schlegel, I, стр. 566).

² Дао-цзан, IX, 83.

³ Jeremias. Handbuch des altorientalischen Geisteskultur, стр. 177.

бражался зеленым, иногда синим, так как его считали близнецом с Меркурием, которому соответствовал синий цвет, и их цвета часто путали. Действительно, иначе трудно было бы понять неотожествленное до сих пор божество на одной из икон (*табл. V*), где изображен зеленый силач со свирепым лицом, держащим в одной руке меч, в другой — отрубленную голову; на его темени голова коня. Он полуобнажен; на бедрах его короткое одеяние (как в сутрах — юбка), вокруг тела шарфы. Выразительность лица, сильно развитые мускулы рук и ног, а также бамбук у левого края иконы и фигурка донатора ниже подчеркивают чисто-китайскую манеру изображения. Атрибуты, его внешний вид, нимб и меч в пламени подтверждают наше предположение, что это божество Марса. Его цвет, в данном случае зеленый, никак не связывался с представлением его в Китае, где он считался планетой огня и обычно изображался пламенным, красным. Однако вышеприведенные сведения из вавилонских текстов о двух иных цветах, встречающихся и в Иране, доказывают известную синкретичность его изображения. Да и по атрибутам и двурукости он значительно ближе к переднеазиатскому образу Марса, чем к индийскому.

В основе этого образа, очевидно, лежат наблюдения над видимыми явлениями, связанными с этой планетой. Его яркость и красноватый оттенок были бессознательно восприняты людьми, как кровь, огонь, отчего на западе божество Марса связано с войной, кровавыми битвами. В Китае он соответствует стихии огня, а одно из основных названий — брезжащий свет. С другой стороны, эта планета, имеющая оборот около 2 лет и петляющую орбиту, часто противостоит солнцу, а по временам как бы отступает назад и потом идет вперед с большей скоростью, что и давало представление о ней, как о планете, борющейся с солнцем. Отсюда образ Марса — воина с крепкой мускулатурой и свирепым лицом, сильно краснеющего при приближении своем к солнцу.

Таким образом, синкретический образ Марса нам ясен — это одна из планет, не имеющая ни китайского облика, ни китайских атрибутов, за исключением даосской печати, в некоторых случаях заменившей собой щит, и, несомненно, тесно связан-

ная с западным ее образом, хотя и имеющая один признак — многорукость, идущую из древне-индийской религии.

Наконец, пятое планетное божество — Меркурий, изображаемый обычно женщиной с кистью и бумагой или свитком в руках. Такой она изображается на хара-хотинских иконах, причем здесь добавляется еще ее эмблема — обезьяна.

Обычно обезьяна¹ изображается в прическе или головном уборе, как на иконах х-2424 (табл. I) и х-2431, причем здесь в головном уборе с обеих сторон присоединяется еще изображение гаруды² и птицы. Иногда Меркурий в виде женщины только с кистью (х-2428), иногда без обезьяны на темени, но с обоими атрибутами (х-2426). На иконе из Дунь-Хуана у Меркурия изображены оба атрибута и обезьяна в головном уборе.

Образ Меркурия, описываемый в сутрах, совпадает с образом его на хара-хотинских иконах: „Ее дух в образе женщины: на голове надет убор с обезьяной, в руках держит бумагу и кисть“.³ Или „Ее дух — женщина, одетая в синюю одежду. Носит головной убор с обезьяной и держит в руках свиток“.⁴ Те же ее символы упоминаются в даосском каноне: „Ставит деревянную обезьяну и держит в обеих руках тушечницу и белый свиток и для них (очевидно, для писания на них) вытаскивает кисть“.⁵ Если вспомнить при этом, что у греков, заимствовавших этот образ из Вавилона, и у вавилонян Меркурий считался писцом, книжником,⁶ то неудивительно, что по содержанию этот образ, занесенный греками в Индию, не изменился и здесь, но уже с кистью и свитком — принадлежностями письма у некоторых народов Азии и в женском облике, так как по Птолемею Меркурий принадлежит и к „мужской и женской“ группам планет.⁷

¹ Обезьяна — также животное 12-значного цикла.

² Гаруда — божество с женской головкой и торсом и птичьими лапами.

³ Трипитака, XXVI, стр. 73.

⁴ Там же, XXVI, стр. 59.

⁵ Дао-цзан, IX, 83, стр. 4.

⁶ Сах I, указ. соч., стр. 167.

⁷ Гурьев, Астрология и религия, 1940 г. ОГИЗ, Москва.

Наряду с его, повидимому, твердо установившимся образом писца в даосских сочинениях приводятся его китайские названия, упоминаемые также в записках Сымацяня (II в. до х. э.). Он называется планетой воды, так как ему соответствует стихия воды и, также северная сторона. Еще чаще он встречается под именем планеты часа.¹ Последнее название, повидимому, возникло из наблюдений над этой планетой; планета Меркурий в диаметре в три раза меньше земли и очень близка к солнцу, называемая как и Венера нижней планетой, совершает свой путь в 88 дней, так что в течение лунного года она успеет совершить 4 оборота, причем во время солнцестояний зимой и летом и равноденствий она находится в определенных точках неба, благодаря чему можно было указать наступление одного из времен года. И если в Китае она называлась „Малым регулятором“, „Планетой часа“, „Небесной поддержкой“² то не удивительно, что и у древних народов Передней Азии она считалась вестником, извещающим наступление одного из 4 времен года.³

Однако атрибуты его, как писца, перечисленные в сутрах и в даосских сочинениях, нигде у Сымацяня не упомянуты, а его некийтаиское, иноземное название Ди-шу в даосском сочинении тем более подтверждает заимствование этого образа.

Следовательно, иконографический образ и этой планеты имеет то же содержание, что и у греков и в древнем Вавилоне, хотя на хара-хотинских китайских иконах она изображена китайской женщиной, с эмблемой — обезьяной в головном уборе. Последняя, несомненно, признак, появившийся на индийской и центральноазиатской почве, где издавна существовал культ обезьян, с одной стороны; с другой стороны обезьяна является одним из животных 12-значного цикла, принятого у народов Дальнего Востока, что доказывает местное происхождение этого атрибута, не связанное с греками или с Вавилоном.

¹ Дао-цзан, IX, 83. стр. 4, и Schlegel, Uranographie chin. стр. 640, 642.

² Schlegel, Uranographie chinoise. Название Меркурия из записок Сымацяня, стр. 640. Планета часа и в Дао-цзане, IX, 83.

³ Jeremias, Handbuch des Altorientalischen Geisteskultur, стр. 175.

Внизу в углах той же групповой иконы планет (*табл. I*) изображены два стража — силачи, с резко подчеркнутой мускулатурой ног и рук, с устрашающим выражением лиц, со змеями в вздыбившихся волосах. В руке каждого меч. Одежда похожа на одежду Марса — красные широкие юбки-набедренники, красные шарфы, обвивающие торсы и спускающиеся до полу. Тела синего и зеленого цветов. Такие же стражи изображены вместе с другими божествами или отдельно на иконах х-2430, х-2431, х-2455, х-2483, х-2576. На иконах смешанного стиля они представлены в несколько иных позах, но тоже со своими атрибутами — мечами, в красных набедренниках, и с зелеными, а не красными шарфами вокруг тел. В головных уборах видны головы змей (х-2426, х-2425), иногда змей нет (х-2428).

Среди изображений, иллюстрирующих сутру о девяти планетах, они изображены трехголовыми, причем в вздыбившихся волосах одного из них три змеи, у другого — девять. В описании образа первого сказано: „Планета в тени, не видна. Одно имя ее Локу, другое — Лоши, третье — Желтое знамя, четвертое — огненное солнце“. О втором говорится следующее: „Этот Цзиду также скрытая планета. Одно название ее — хвост барса, другое — великая тень. Голова в тени, не видна. Не видна, но движется, не имея определенной формы“.¹ Это две мнимые планеты, якобы существовавшие, но невидимые глазу, Раху и Кэту, причем сразу же бросаются в глаза их явно не китайские названия, так как в сутрах, переведенных на китайский язык с санскрита, Раху и Кэту транскрибируются как Ло-ху и Цзи-ду (Ги-ду).

В других сутрах они названы Головой и Хвостом. О Раху сказано: „Ло-ху, Ло-ши (имеет) одно название — желтое знамя, другое — святая голова затмений, третье — двойной, четвертое — голова солнца. Часто в тени, движется, но ее не видно“.²

Кэту описывается так: „Цзиду (Ги-ду) или Лоши (имеет) одно название — хвост барса, другое — святой хвост затмений,

¹ Трипитака, XXVI, стр. 72 и 74.

² Трипитака, XXVI, стр. 55.

третье — сила лунной кометы (Юэ-бо), четвертое — голова луны, часто в тени, не видна¹.

Во всех описаниях подчеркивается, что обе эти планеты скрытые, их не видно, причем одна представляет голову, другая — хвост затмений. Кроме того, в описании Раху говорится как о двойном, в описании Кэту приводится одно из его имен, приписываемых также и Раху, а именно — Лоши. Также если Раху названо „Огненным солнцем“, или „Головой солнца“ то одно из названий Кэту — „Великая тень“ или „Голова луны“. Двойным Раху считается потому, что он вместе с Кэту по легенде составлял одного демона затмений, имевшего драконовый хвост. За совершение преступления — кражу напитка бессмертия Раху был богом Вишну рассечен на двое, за что теперь мстит солнцу и луне, указавшим на его преступление, и поэтому является причиной затмений обоих светил.² По другой версии у Шлегеля Раху и Кэту также представляли демона с хвостом дракона. Вишну его обезглавил, однако и хвост и голова остались живы, так как демон был бессмертен. После этого оба стали причиной затмений. В даосских сочинениях оба также названы головой и хвостом. Так в сочинении о служении 11 планетам Раху называется „планетой правдиво думающей головы“. „Я движусь по черному пути, чтобы скрыть свет. Я шапкой затмеваю величественные грани светил и созвездий. Также нельзя мне осмелиться пренебречь этим. Частичное затмение солнца и луны? Кто (скажет), что оно нехорошо! Я управляю летящим драконом, в руках держу драгоценный меч“.³ О Кэту сказано следующее: „Он — хвост барса во дворце Сатурна. В гневе пальцем разрушает горы. Он — могучий герой, великая темная пустота. Как драконы и змеи рождается в странном виде. При окончании перемены (затмения) внезапно темнеет, закатывается“.⁴

Только в даосских сочинениях встречается атрибут Раху и Кэту — меч, неизменно изображаемый на всех хара-хотин-

¹ Там же, стр. 57.

² Поздняя бурято-монгольская версия легенды, где фигурирует только Раху. См.: Стуков, „О затмениях солнца и луны по понятиям сев. буддистов“, газ. „Амур“, 1860, 77.

³ Дао-цзан, IX, 83, стр. 5.

⁴ Там же, III, 29, стр. 4.

ских иконах. Там же встречается указание на ее заимствование: „Мы слышали, что святой хвост есть думающая о тьме планета в яшмовом календаре“,¹ что так же, как и их некитайские имена, доказывает заимствование этих образов. На это же указывает Шлегель, считающий их заимствованными из Индии примерно в Танский период (VI—IX вв.).² На индийской почве, как видно из иллюстраций к „Трипитаке“, они имели явный признак индийских божеств — многорукость и большое количество змей. Однако на хара-хотинских иконах все это — двурукие воины или силачи с мечами в руках.

На двойственность явлений затмения, повидимому, создавший фантастический двойной образ в виде Раху и Кэту, указывают и сутры: „Когда (Раху) встречается с солнцем и луной, то (происходит) знамение. Если встречается с ними в 1-й и 15-й день луны, то тогда непременно (бывает) затмение. Если противостоит солнцу и луне, то также происходит затмение. Будьте внимательны к тому, что говорят индийские ученые. Китайцы говорят, что если солнце и луна на общем пути, то луна закрывает солнце, и солнце затмевается. На небе она наскакивает на солнце, равная ему по величине. Солнечный свет не светит, и называется это темной пустотой. Если темная пустота встречает луну, то луна закрывается. Но эти два (явления) не одинаковы. Теперь же согласно индийскому календарю принят правильный закон“.³

Здесь своеобразная критика понимания явлений солнечного и лунного затмений, приписываемая китайцам, которые якобы смешивали эти два явления, правильно в то же время понимая явление солнечного затмения, возможное лишь тогда, когда центры солнца, луны и земли находятся на одной прямой и луна как бы закрывает солнце. И если бы индусы и китайцы при тогдашнем уровне астрономии знали, что при лунном затмении луна, находясь по другую сторону от земли по отношению к солнцу, попадает в тень, отбрасываемую землей, то явление „попадания луны в темную пустоту“ можно было бы понять, как лунное затмение. В таком случае Раху оказался

¹ Там же, IX, 83, стр. 6.

² Schlegel, I, стр. 6.

³ Трипитака, XXVI, стр. 55.

бы образным пониманием солнечного затмения головой, готовой пожрать солнце, а Кэту — хвостом, закрывающим луну, т. е. тенью, отбрасываемой землей, в которую попадает луна. Идлер считает, что это образные представления двух узлов луны.¹

Однако подобные заключения можно делать на основе детального изучения уровня астрономии в Индии и Китае в Танский и Сунский периоды (VII—XIII вв.), поскольку хара-хотинские памятники относятся к Сунскому периоду, что однако выходит за пределы данной работы. Только после тщательного изучения астрономических источников можно прийти к определенному заключению об отождествлении Раху и Кэту, как божеств солнечного и лунного затмений. Но даже и тогда в основе этих образов могло бы не оказаться астрономически правильных понятий, поскольку в астрологии — мнимой науке о влиянии светил на жизнь на земле — много мнимых образов их, переплетенных с суевериями и легендами.

Так или иначе, оба эти стражи-силачи — Раху и Кэту, мнимые планеты, считавшиеся причиной солнечных и лунных затмений.

К таким двум мнимым планетам остается присоединить еще и две оставшиеся мнимые планеты — Цзы-ци и Юэбо.²

Цзы-ци изображается в костюме чиновника, с высоким, несколько необычного вида головным убором и с табличкой в руках перед грудью; Юэбо — молодым юношей с гладкими, длинными, зачесанными назад волосами. Обе эти мнимые планеты находятся справа и выше Меркурия (табл. I). Первый связан с лунным календарем, принятым у китайцев, индусов, арабов, вавилонян.³ Такой календарь, основанный на наблюдениях над фазами луны, имел в месяце 29—30 дней и, таким образом, год по лунному календарю равнялся 354 дням, т. е. был на 11 дней короче года солнечно-лунного календаря. Но чтобы длина года не сдвигалась в отношении времен года, раз в три года приходилось вставлять дополнительный месяц (閏月 — жунь-юэ).

Вот этим вставочным месяцем и был порожден образ мни-

¹ Idler, Ueber die Zeitrechnung der Chinesen, стр. 163.

² Schlegel, Uranogr. chin., I, стр. 644.

³ Идельсон, История календаря.

мой планеты Цзы-ци, „единственной на небе планеты пути (道曜 — дао-яо), фиолетовыми парами“,¹ „избыточными парами стихии дерева (Юпитера), единственной на небе планеты пути, в высокой шапке с отполированным нефритом (табличкой)“.²

Повидимому, эта планета названа „планетой пути“ потому, что она якобы находилась где-то на пути движения солнца. Ее название „избыточные пары стихии дерева“, т. е. Юпитера, указывает на ее назначение — исправлять лунный календарь в отношении времен года. Порожден ли этот образ 28-летним солнечным циклом, в течение которого Цзы-ци делает один оборот, как понимает его образ Шлегель,³ или он просто представлял собой божество вставочного месяца, решить трудно. Значительно интереснее для нас, во-первых, его изображение в виде китайского чиновника, в высокой, несколько странного вида шапке с табличкой в руках (*табл. I*, х-2431, х-2426), иногда в том же виде без таблички (х-2428), во-вторых, отсутствие упоминаний о нем и Юэбо в Трипитаке и, наоборот, наличие обоих наряду с другими девятью планетами в даосском каноне. И хотя Шлегель считает его заимствованным из Индии,⁴ однако его китайское название, означающее в переводе „фиолетовые пары“, его облик китайского чиновника, каким он обрисован в даосском каноне, заставляют считать его чисто-китайским божеством, хотя, может быть, параллельно такое божество было в индийском и буддийском астрологическом культе и поэтому наличие его в буддийских иконах не может вызвать недоумения.

И, наконец, последняя планета из группы 11 планет — Юэбо — изображен юношей со свирепым лицом, держащим копьё, часть древка которого видна на иконах х-2431 и *табл. I*, иногда без копья (*табл. VI*), но с головой в руке, иногда вовсе без атрибутов. Точно таким же, с длинными волосами, копьем и головой в руке, Юэбо изображен на образе стеной живописи из Дунь-Хуана.⁵ Есть и несколько видоизменений его облика могучего силача, похожего на Раху и Кэту, со

¹ Дао-цзан, III, 29, стр. 4.

² Там же, IX, 83, стр. 7.

³ Schlegel, Uranographie chin., I, стр. 645.

⁴ Там же, I, стр. 644.

⁵ Serindia fig. 215, стр. 849.

свирепым выражением лица, с копьём в руках (х-2426). Как считает Шлегель,¹ повидимому, это божество апогея луны, т. е. той точки, где движение луны наиболее замедленное; здесь скорее находилась мнимая планета, представлявшаяся „блестящей драгоценной повязкой луны“,² т. е. затруднявшей движение луны, а также божеством, волосатая голова которого отделяется в странном виде“.³ Последнее поясняет и изображение юноши, держащего в руках свою собственную отрубленную голову с длинными волосами (табл. V). На ее отношение к луне указывает ее китайское название — Юэбо (月孛), в переводе означающее „лунная комета“.

Несмотря на это китайское название, эта мнимая планета изображена на табл. V в индийском одеянии с развевающимися шарфами вокруг фигуры, в некитайских башмачках с загнутыми носками. На ее заимствование из Индии указывает и Шлегель. И хотя он наряду с Цзы-цы не упомянут в буддийском каноне, а представлен только в даосском, который создан, повидимому, под большим влиянием первого, все же можно предполагать, что это божество было заимствовано из Индии, где существовал культ планет буддийской религии, почему и фигурирует вместе с другими на буддийской иконе. Если же это божество было бы китайским, вошедшим из чисто-китайских религий, то и изображалось бы в ином виде. Здесь же плечи, руки и ноги выше колен оголены, что совершенно невозможно с китайской точки зрения. Только самая манера выполнения очень динамичного образа Юэбо, особенно на табл. VI, выдает руку китайского художника. Самое же описание этого божества в даосских сочинениях, где ему отведено такое же место, как и другим десяти, из которых девять имеют очень похожие описания в сутрах, доказывает принадлежность его и к буддийскому астрологическому культу, с одной стороны, однако, происхождение его остается неясным тем более, что на иранской, греческой, вавилонской почве нигде подобной планеты не встречается.

Кроме 11 божеств, окружающих будду, на той же групповой иконе (табл. I) над облаками и под ними изображено

¹ Schlegel, *Uran. chin.*, стр. 645.

² Дао-цван, III, 29, стр. 4.

³ Дао-цван, III, 29, стр. 4, и IX, 83, стр. 7.

всего 15 кружков с эмблемами. При первом взгляде на них становится ясным, что эти знаки греческого зодиака, заимствованные из Вавилона. Наверху слева направо отождествимы — козерог, скорпион, Лев, Дева (со служанкой), Близнецы, Водолей (один сосуд), рыбы, овен. Ниже слева направо Стрелец (две стрелы и лук), Весы, Рак и Телец. Такие же знаки греческого зодиака различимы и на других иконах (х-2431, х-2428), один кружок с Близнецами на иконе плохой сохранности (х-2425). Те же знаки греческого зодиака в кружках на фреске из Дунь-Хуана, где отождествимы Весы, Рак, Скорпион, Близнецы, Рыбы.

Три из них несколько отличаются от греческих знаков зодиака тем, что самое изображение существ, например Водолея и Стрельца, заменено одними атрибутами, а Дева изображена, повидимому, со служанкой.

И, наконец, на той же групповой иконе (табл. I) на облаках справа и слева от будды восседают 28 божеств в чиновничьих одеяниях; такие же божества на другой иконе (х-2431), а также на фреске из Дунь-Хуана, где они разделены на группы по 4 божества, причем на сохранившемся фрагменте осталось 4 группы этих божеств. По всей вероятности, это созвездие лунного зодиака, которое состоит из 28 созвездий и, по словам Тибо,¹ исследовавшего ряд индийских астрономических сочинений, применяются в Индии вплоть до наших дней наряду с 12 знаками солнечного зодиака, по всем данным, проникшего в Индию через греков в первые века х. э.; и хотя такой же лунный зодиак из 28 созвездий имелся не только в Индии, но и у арабов и китайцев, однако вопрос заимствования его друг у друга этими народами и вопрос о первоисточках его, как утверждает Тибо, остается неясным. Между тем в буддийском каноне — Трипитаке² даются не только названия созвездий и зодиака, но описывается и их влияние на жизнь людей, причем приводятся изображения, подсказываемые фигурами, создаваемыми расположением звезд в созвездиях, не только в виде человеческих фигур в разных

¹ Tibaut, *Astronomie, astrologie und mathematik*, стр. 13. (В „Encyclopedia of Indo-Aryan Research“, Büller).

² Трипитака, XXVI, стр. 63.

позах, часто без ступней, кистей, без головы, с двумя головами, но и в виде чудовищ с телом дракона и человеческой головой, или человеческим телом и птичьими ногами и головой. Здесь их 30, однако в введении сказано, что 28 созвездий соответствуют дням месяца, а два последние в этот ряд (т. е. в лунный зодиак) не входят, так как луна, „проходя, в них не останавливается“. Такая поправка — введение двух дополнительных звезд или созвездий — была нужна для дополнения к дням полного месяца соответственно действительным фазам луны, т. е. синодическому месяцу, ибо промежуток времени между двумя одинаковыми фазами, например между двумя новолуниями, равен 29,5 дням (синодическому месяцу), что объясняется перемещением среди звезд самого солнца, освещением которого обуславливаются фазы луны. Последнее явление — зависимость фаз луны от расположения ее в отношении солнца — в древности не могло быть известно, почему принимался во внимание лишь видимый оборот луны среди звезд, происходящий в $27 \frac{1}{3}$ дней.

Поскольку известно, что греческий солнечный зодиак из 12 созвездий и лунный зодиак из 28 созвездий были приняты в Индии на всем протяжении времени от первых веков х. э., вплоть до наших дней, причем последний упомянут в сутрах, где для молений всем 28 созвездиям отводится общий день, то совершенно понятно и изображение их на буддийских иконах из Хара-Хото XII—XIII вв., где многие божества представлены в китайско-индийском облике, а по содержанию либо исходят из Вавилона, либо из Индии.

Поэтому вряд ли здесь изображен китайский лунный зодиак, также состоящий из 28 созвездий, несмотря на то, что все созвездия имеют вид китайских чиновников, с одинаковыми головными уборами и одеждой.

Последнее, не рассмотренное еще нами божество — будда, сидящий в центре с руками, сложенными у лона, в которых он держит чакра; тело его желтовато-красного цвета, одежда красная, плащ зеленый (табл. I, х-2431). На некоторых иконах (табл. VII, х-2426, х-2425, х-2428) изображен такой же будда, однако чакра поставлена на ладонь левой руки, покоящуюся у лона, а правая рука поднята к груди в жесте благоговения.

На иконе и фреске с планетами из Дунь-Хуана будда изображен сидящим на лотосовом престоле, водруженном на колеснице, причем тело его желтоватого цвета, одежда красная, плащ голубой. Здесь он так же, как и на харахотинских иконах, держит чакру, но уже не в руках или в левой руке у лона, а в горизонтальном положении на пальцах поднятой до уровня груди правой руки, что особенно хорошо видно на фреске (табл. VIII)¹ и очень мало заметно на иконе из замурованной пещеры.² В последнем случае, по утверждению Стейна³ это будда Течжапрабха — сияющий светом или дарующий свет, что, действительно, хорошо гармонирует со всеми предстоящими ему божествами светил, являющимися источниками света, который обычно в религиозных представлениях людей якобы первоначально должен исходить от какой-то божественной силы, воплощенной в данном случае в будде Течжапрабха. И хотя положение рук, держащих чакра, у будды на харахотинских иконах несколько отлично от положения рук у будд на дунь-хуанских памятниках, однако общий цвет тела, красная одежда и наличие будды среди божеств планет позволяют нам и здесь видеть того же будду Течжапрабха, будду, дарующего свет.

И как первопричина света, на всех иконах будда является центральной фигурой, по своим размерам превосходящей все остальные.

Из детального разбора всех божеств планет совершенно очевиден их синкретический характер. Среди них рядом с чисто-китайскими божествами Луны и Солнца изображены смешанные образы светил, содержание которых связано с эллинистическим миром, но которые по форме относятся к представлениям народов Азии, как, например, божества пяти планет. Наряду с ними имеются индийские божества двух мнимых планет и 28 созвездий, хотя божества 28 созвездий могли быть созданы в самом Китае. Любопытно наличие среди

¹ Serindia, 215 fig., стр. 849.

² The Thousand Buddhas. By Aur. Stein, pl. XXXVIII, u Serindia, pl. LXXI.

³ The Thousand Buddhas, by Aur. Stein, стр. 53, pl. XXXVIII. Однако Stein ничего не говорит о тех источниках, которые послужили бы доказательством такого определения будды.

созвездий всех 12 знаков греческого зодиака. Однако происхождение образов божеств Цзы-ци и Юэбо остается неясным.

Смешение элементов верований и религиозных представлений народов Азии, в особенности индусов и китайцев охваченных издавна буддийской пропагандой, не вызывает особого удивления, поскольку буддизм вобрал в себя много местных верований с пантеоном божеств, созданных разными народами по образу и подобию своему. Значительно любопытнее наличие греческих представлений, прошедших через Иран и впитавших на своем пути некоторые иранские атрибуты, как, например, Венера — Наке — Наги — Анахит с лютней. В эллинистический период в пределы Ирана и Индии проникло много элементов культуры, искусства и верований эллинистического мира и среди них, в частности, астрология, вышедшая, по словам Тарна,¹ непосредственно из самого Вавилона.

В синкретическом облике божеств планет в иконографии Хара-Хото мы видим, что содержание образов некоторых светил явно греческое, а внешний облик либо индийский, либо китайский, либо смешанный. Подобный синкретический их образ, но более близкий по формам к гандхарской школе, достиг пределов собственно Китая, а именно провинции Сычуань, где в 1914 г. экспедицией Сегален, Лартиг, де Вуазен² среди многих буддийских святынь и памятников искусства была обнаружена рельефная группа, высеченная в камне, очень близкая по композиции к фреске планет из Дунь-Хуана. На ней можно различить Венеру с лютней, Сатурна, ведущего быка, запряженного в колесницу с восседающей на ней фигурой будды. И хотя датировка не могла быть установлена, однако предполагается, что эта группа принадлежит к Танскому или Сунскому периоду, т. е. времени, близкому ко времени памятников Хара-Хото.

Нахождение этого памятника доказывает распространение синкретического астрологического культа, наблюдаемого в памятниках Хара-Хото, и в пределах самого Китая.

Из рассмотренных нами изображений божеств астрологического культа на памятниках живописи из Хара-Хото выяс-

¹ См.: Tarn, *The Greeks in India*, стр. 386.

² *Mission archéologique en Chine*, II, pl. CXXV; Segalen, Lartigue, de Voisin, Paris, 1923.

няется чужеземное для Китая осмысление божеств его пантеона, за исключением солнца и луны, а может быть, и Цзы-ци, имеющие чисто-китайские признаки. Однако, повидимому, этот буддийский астрологический культ процветал именно в Китае, несмотря на то, что в самом Китае с древних времен существовал свой собственный астрологический культ, изображения божеств которого дошли до нас в виде изображений на каменных барельефах надгробных памятников семьи У в провинции Шаньдун, как, например, созвездие б. Медведицы.

Однако образы божеств на каменных барельефах сильно отличаются от изображений светил на хара-хотинских иконах как типом лица, трактовкой одежды и фигуры, так и атрибутами, что особенно подчеркивает разницу между ними. Такое сопоставление лишней раз убеждает в иноземном происхождении астрологического культа Хара-Хото и синкретическом облике почти всех его божеств — светил, которые были созданы разными народами в разных странах.

И если из данного очерка ясен синкретический характер пантеона астрологического культа в иконографии Хара-Хото, то предполагаемая в дальнейшем разработка вопросов стиля и художественных групп этой иконографии еще больше подчеркнет синтетизм памятников культавого искусства из Хара-Хото, созданных под влиянием культуры и искусства целого круга народов Азии и эллинистического мира.

THE PLANETARY DEITIES IN THE PAINTINGS OF KHARA-KHOTO

The contents of one group of icons, unknown before, is studied in detail by the author of the present paper. This group of icons is connected with the astrological cult, — whose origin is not strictly Chinese, but mixed, being created under the influence of the West. The deities represented on the icons have Hellenistic, Indian and Chinese features. The contents and form of the images of each planetary deity reflects some elements of astrological science.

The images of planets, represented as gods, reflect the hierarchy of Chinese mediaeval society.

S. Kotchetova

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. М. Э. Матъе. — Роль личности художника в искусстве Древнего Египта	5
2. И. М. Лурье. — Древнеегипетские солячные часы в собраниях СССР	101
3. И. М. Дьяконов. — Об одной древневосточной скульптуре . .	107
4. К. В. Тревер. — Сасанидский серебряный кубок из урсдонского ущелья в Северной Осетии	119
5. Е. Г. Пчелина — Урсдонское ущелье в Северной Осетии . . .	133
6. М. М. Дьяконов. — Бронзовая пластика первых веков. Хиджры	155
7. Т. А. Измайлова. — Керамика из раскопок в Анберде	181
8. М. М. Явич. — Замечания о неисследованном среднеазиатском алфавите	205
9. В. А. Шишкин. — Архитектурная декорация дворца в Варахше .	225
10. Г. В. Птицын. — К вопросу о географии Шах-Намэ	293
11. А. Н. Болдырев. — Очерки из жизни гератского общества . .	313
12. А. Ю. Якубовский. — Арабские и персидские источники об уйгурском турфанском княжестве в IX—X вв	423
13. Н. В. Дьяконова. — Буддийские памятники Дунь-Хуана . . .	445
14. С. М. Кочетова. — Божества светил в живописи Хара-Хото . .	471

Редактор И. М. Лурье

М — 01157. Подп. к печ. 10/IV 47 г.
Объем 31 $\frac{1}{2}$ печ. л. + 5 п. л. иллюстра-
ций. Уч.-издат. лист. 34. Заказ № 400.
Тираж 2000.

1-я Тип. Издательства АН СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия. д. 12.

